

*Каждому, кому казалось, что матч уже проигран.
Тишина между четвертями — это не конец.
Это момент перед новым началом.*

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

ЮЛИЯ КОТ

Гейм-
Пойнт

Sugar
love

Москва
2026

1

Петр

— Держу пари на пятьсот рублей, что ты не сможешь попасть в кольцо с этого места с закрытыми глазами.

Голос Кати прозвучал прямо у него за спиной, заставив вздрогнуть. Петя обернулся. Она стояла под щитом, скрестив руки на груди, и смотрела на него с тем самым выражением, которое про себя он называл убийственным. Убийственным для его сердца, конечно. Катя свела к переносице светлые брови, и Пете захотелось разгладить пальцем образовавшуюся морщинку.

Весь зал «Оникса» был в их распоряжении. Где-то на трибунах Рома с Никитой о чем-то спорили, размахивая руками. Василиса снимала их на телефон, и Петя мог поставить что угодно на то, что это видео потом окажется в социальных сетях, а сопровождать его будут смешные подписи.

— Пятьсот? — Петя подбросил мяч и поймал его одной рукой. — Я стою дешевле двойного бургера и большой колы?

— Сравнить себя с моей любимой едой — заведомо проигрышная позиция, Краснов, — парировала Катя. — В прошлую среду ты промазал с полуметра.

— Это был тактический промах! Хотел дать Ромке почувствовать себя победителем, когда он забросил трехочковый.

— Ага, конечно, — Катя рассмеялась, и звук этот, звонкий и чистый, эхом разнесся под сводами пустого зала. — Итак, ставка? Или боишься проиграть?

Петя посмотрел на нее: на ее улыбку, от которой появлялись ямочки на щеках, на огонь в голубых глазах. Он наблюдал, как солнечный свет из высоких окон падает на светлые волосы, словно создавая вокруг нее свечение. Видел знакомую родинку над губой. И понимал, что через неделю он не сможет просто так обернуться и увидеть ее.

— Ладно, — Петя сделал несколько шагов к центру зала. — Но, если выиграю, ты едешь со мной в Ростов. В багажном отсеке поезда. Будешь моим талисманом.

— В багажном не поеду, только первым классом, — Катя покачала головой, но улыбка не сошла с ее лица.

— Эй, голубки, да меня ж сейчас тут стошнит! — раздался крик с верхних трибун. — Вы будете играть или глазами друг друга сверлить? Меня еще «Геншин»¹ ждет, я на боссе застрял, а вы тут романтику разыгрываете!

Рома Волков свесился через перила, изображая смертельную тоску. Рядом, развалившись на скамейке, сидел Никита. Он ничего не говорил, лишь наблюдал за ними с легкой, понимающей ухмылкой. Василиса, расположившаяся на ступеньке ниже, щелкнула кадр.

— Иди играй в свой «Геншин». Кого ты там вчера «крутил»? Шило... шило какое-то... Не понимаю, как можно «крутить» персонажа игры... — фыркнула Катя, не отводя взгляда от Пети.

¹ Геншин (англ. *Genshin Impact*) — популярная компьютерная игра в жанре action-adventure с открытым миром и элементами RPG.

— Шилонен², а не Шило! — заржал Ромка. — А «крутить персонажа» — это просто сленг такой, я трачу внутриигровую валюту, чтобы получать случайных перс...

Василиса стукнула Волкова по коленке, отчего тот запнулся.

— Душно стало, Ром, форточку бы открыть, — хихикнула она.

— Да Катька сама спросила, — надулся тот.

— Э, за «Катьку» сейчас от меня получишь, — отозвался с паркета Петя.

— Ладно, ладно, Катерина, — поднял руки Волков.

— Бросай уже, — шумно выдохнула она. — Пока я не передумала и не подняла ставку.

— Молодец, Морозова, вот это по-нашему! — поддержал Рома. — Тысячу с него содрать надо, минимум!

— Рома, — обернулся к нему Петя, — а ты не хочешь тоже поспорить? На то, что я попаду?

— С закрытыми глазами? С центра? — Рома фыркнул. — Я лучше посмотрю, как ты проиграешь и будешь Кате всю неделю завтраки в постель носить.

— Он и так носит, — заметила Катя с притворной важностью.

Петя снова взглянул на Катю. На ее вызов. Он кивнул.

— Ладно. Тысячу. Но если попаду, ты признаешь, что я величайший баскетболист Волгограда. Вслух. При свидетелях.

— Ты и так величайший баскетболист Волгограда, — тихо сказала Катя, и в ее голосе не осталось и следа от шутки. — Просто иногда об этом забываешь.

Их взгляды встретились. Все, что пряталось за

² Шилонен (англ. *Xilonen*) — персонаж популярной игры Genshin Impact.

шутками, внезапно испарилось, как капля воды на раскаленном камне. Шутки закончились. Осталась только правда, которая висела между ними тяжелым, невысказанным грузом. Правда о том, что через несколько дней этот зал, эти крики, этот смех — все это останется в прошлом.

Петя глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Тьма.

Только звуки: его размеренное дыхание, далекий гул города за стенами, биение собственного сердца в ушах. Он представил траекторию. Мысленно увидел, как мяч описывает идеальную дугу и точно, без единого касания дужки, проходит через сетку. Он чувствовал вес мяча в руках, шершавую поверхность. Чувствовал, как напрягаются мышцы ног, спины, плеча.

Он сделал бросок.

Мяч покинул его пальцы. Петя не открывал глаз, слушая. Тишина в зале была оглушительной. Даже Волков притих.

Все замерли, следя за полетом. Катя — сжав кулаки. Рома — высунувшись с трибуны. Никита — приподнявшись с места. Василиса — не опуская телефона.

Мяч, казалось, летел бесконечно долго.

И вот — легкий, скользящий звук. Идеальное чистое попадание. Даже щит не дрогнул.

— ДА КАК ТАК-ТО?! — завопил Рома. — С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ, КАРЛ! Это же... это же чудо! Ты там глаз приоткрыл, я видел!

— Молчи, неудачник, — рассмеялась Василиса, снимая его возмущенное лицо.

— Я... я даже не... — Рома начал заикаться. — Никит, ты видел? Это физически невозможно!

— Видел, — спокойно ответил Никита. — Бросок чистый. Признавай, Краснов велик.

Петя наконец открыл глаза. Первая, кого он увидел, — это Катя. Она стояла, все так же скрестив руки,

но теперь на ее лице сияла самая широкая, самая победоносная улыбка, какую он только помнил у нее.

— Ну что, величайший, — сказала она, подходя к нему. — Готовь тысячу. Потому что пари было о том, что ты НЕ попадешь.

Петя остолбенел.

— Что?

— Ты же слышал. — Катя остановилась в паре сантиметров от него, подняв подбородок. — «Держу пари, что ты НЕ СМОЖЕШЬ попасть». Ты попал. Значит, проиграл.

Рома на трибуне зашелся в истерическом смехе, катаясь по скамейке.

— О-О-ОУ! Вот это поворот! Я признаю, что Морозова просто гений! Краснов, плати, не позорься!

Петя смотрел на Катю, на ее хитрющие, сияющие глаза. И вдруг рассмеялся. Рассмеялся так, что у него заныли мышцы пресса. Он схватил ее за талию, поднял в воздух и прокрутил вокруг себя.

— Я поймал самую опасную мошенницу!

— Пусти! — она хохотала, отбиваясь. — Плати долг! Тысячу рублей! Я их на пару двойных бургеров потрачу!

Он поставил ее на ноги, но не отпустил, глядя в ее смеющиеся глаза.

— Ладно, — сказал он. — Забирай. Все равно самое дорогое, что у меня есть, уже твое.

Катя прекратила смеяться. Ее улыбка стала мягче, грустнее. Петя положил ее ладонь себе на грудь.

— Эй, а можно нам уже не смотреть на эту мыльную оперу? — прокричал Рома. — Я голодный! И вы все мне должны моральную компенсацию! Идем уже!

— Идем, — крикнула ему Катя, не отводя взгляда от Пети. — Сейчас.

Она встала на цыпочки и быстро, по-воровски, поцеловала его в губы.

— Это аванс, — прошептала она. — Остальное — потом.

Катя развернулась и побежала к выходу, догоняя Василису. Рома что-то кричал им вслед, размахивая руками. Никита спускался с трибун неспешной, уверенной походкой.

Петя остался один в центре зала. Он подошел к мячу, поднял его. Провел рукой по шершавому щиту, нащупав ту самую вмятину и нарисованный когда-то смайлик. Он посмотрел на уходящих друзей. На пустеющий зал.

Он попал с закрытыми глазами. Но сейчас, с широко открытыми, он не был так уверен в своем будущем, как несколько минут назад. Он чувствовал лишь одно — острую, режущую боль предстоящего прощания и сладкий привкус ее поцелуя на губах.

— Краснов, шевелись! — донесся с порога голос Ромы. — Хватит впадать в тоску, а то мне самому тошно станет!

Петя глубоко вдохнул и побежал к выходу, к ним, к своему последнему недельному счастью.

2

Катерина

Воздух в коридоре главного корпуса Волгоградской государственной академии физической культуры был густым, как кисель, и состоял из тысячелетней пыли с высоких потолков, запаха кофе, похоже, впитавшегося в стены, едкой резины кроссовок и еле уловимого аромата лака для паркета, который давно уже стерся, но чей призрак до сих пор витал под сводами. Для Катерины Морозовой это был запах нового мира. Она стояла в очереди из двадцати человек, сжимая в руке папку с документами, и чувствовала себя актрисой, которую заставили играть не свою роль в незнакомом спектакле.

Папка была тяжелой. Не физически — внутри лежали всего лишь копии паспорта, аттестата, состоящего сплошь из пятерок, и медицинская справка. Ее тяжесть была в том, что каждый из этих листов казался кирпичиком в стене, которую она добровольно возводила между своим прошлым и будущим. Прошлым, где пахло гимнастическим ковром и канифолью. Будущим — туманным, безликим, пахнущим вот этим самым коридором: пылью и чужими амбициями.

Впереди нее две девушки оживленно обсуждали, как будут «валить» сессию и какие пары можно прогуливать. Сзади парень с накачанными бицепсами уверенно рассказывал другу, что его заставили посту-

пить сюда родители, чтобы получить «хоть какую-то бумажку». Катя слушала этот гул чужих жизней и думала о том, что ее собственная жизнь будто застыла в подвешенном состоянии, как пылинки в солнечном луче, пробивавшемся из высокого окна.

Она боялась. Ей казалось, что она подошла к выбору с умом: закончила карьеру гимнастки, чтобы стать тренером. Катя убеждала себя, что это именно то, чего она хочет, что она и правда устала от соревнований и своих амбиций и что быть простым тренером — ее призвание, но сейчас ей стало страшно. Тот огонь, тот азарт, что горел внутри все эти годы, постепенно угасал, оставляя после себя лишь пепел рутины и усталости. Гимнастика из любви всей жизни превратилась в работу. А работа, как известно, должна приносить деньги. И тогда возник этот «разумный» вариант — пойти в педагоги. Получить диплом. Работать с детьми в школе или обычной секции. Не растить чемпионов, а просто прививать любовь к движению. Это казалось безопасным. Правильным. Но сейчас, в этом шумном большом коридоре, ее охватывали сомнения, острые и тошнотворные. А не убегала ли она? Не пряталась ли за ширмой «разумного выбора» от необходимости искать свой, особенный, пугающий и потому такой притягательный путь?

— Морозова Катерина? — Голос секретаря приемной комиссии, женщины лет пятидесяти с усталым, но добрым лицом, вывел ее из оцепенения. — Проходите, подавайте документы.

Катя механически прошла в кабинет и протянула папку. Женщина, представившаяся Светланой Петровной, бегло, с профессиональной бесстрастностью проверила бумаги.

— Отличный аттестат, — отметила она. — И спортивные достижения впечатляют, — секретарь одобрительно кивнула, просматривая грамоты и выцветшие

фотографии с подиумов. — Мастер спорта по художественной гимнастике. Призер первенства ЮФО. Почему решили уйти из большого спорта? У нас, кстати, есть и спортивное направление, можете подать документы и туда.

Вопрос прозвучал как удар хлыста. Прямой, неудобный, вскрывающий все ее незажившие раны.

— Хочу попробовать себя в педагогике, — коротко ответила Катя, чувствуя, как горит лицо. — Работа... тренером... мне интересна.

— Понимаю, — Светлана Петровна вздохнула, и в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление. — Обидно терять такую спортсменку, но вы молодец, что нашли в себе силы перестроиться. Жизнь на этом не заканчивается. — Она поставила печать на заявлении, и этот глухой стук напомнил Кате хлопок закрывающейся двери. — Поздравляю, вы поданы. Подпишите здесь.

Катя подписала дрожащей рукой. Буквы вышли корявыми. Все. Точка невозврата пройдена. Она вышла из кабинета, чувствуя себя не победителем, зачисленным в вуз, а предателем. Предателем самой себя, своих лет упорства и труда, своих медалей, которые теперь будут просто пылиться на полке, как немые свидетели прошлой жизни.

Она шла по коридору, и ей казалось, что все эти посторонние парни и девушки смотрят на нее и видят: вот неудачница, которая не смогла, не дотянула, сломалась и теперь ищет себе удобную клетку. Чтобы заглушить этот навязчивый, ядовитый голос, она достала телефон. Большим пальцем вывела:

КАТЯ: Подала документы.

Она хотела добавить: «Мне кажется, я совершила огромную ошибку», но стерла. Петя и так был погло-

щен грядущим переездом и новым контрактом, своим собственным прыжком в неизвестность. Катя всегда умела справляться с проблемами, спорт научил ее быть сильной и полагаться на себя и свои возможности.

Ответа не последовало. Она сунула телефон в карман и почти бегом, будто за ней гнались призраки ее несостоявшегося будущего, покинула здание академии.

Катя шла по городу, не разбирая дороги, и ноги сами понесли ее к старому спорткомплексу «Юность». Сезон еще не начался, и от этого знакомое до слез место казалось заколдованным, погруженным в летнюю спячку. Она толкнула тяжелую дверь и зашла внутрь.

Пустые трибуны, зачехленные маты, мостик, по которому она ходила сотни или тысячи раз... Она направилась к главному залу, присела на корточки и прикоснулась к коврику. Здесь, на этом самом месте, Катя показала свою первую программу с лентой, она помнила тот день, словно тот был вчера. И здесь же, спустя годы, осознала, что больше не может соревноваться не с соперницами, нет. С самой собой.

— Морозова? Что ты тут бродишь как привидение?

Катя вздрогнула. В проеме двери стояла Ирина Викторовна, ее бывший тренер. Она поправила прическу, которая и без того всегда была идеально гладкой, и сузила глаза, рассматривая сверху вниз Катерину, все еще сидящую у ковра. Так Ирина Викторовна походила на грозную орлицу.

— Здравствуйте, Ирина Викторовна. Я... просто.

— «Просто» в «Юность» не приходят, — отрезала тренер, приблизившись. Она приподняла идеально очерченные брови. — Что случилось?

Катя опустила взгляд. Ирине Викторовне, которая была ее тренером с тех самых пор, как Катя впервые переступила порог «Юности», врать было бесполезно.

— Документы подала. В академию. На педагога.

Ирина Викторовна несколько секунд молча смотрела на нее.

— Поздравляю с поступлением, — произнесла она наконец, и в ее ровном голосе не было ни радости, ни осуждения. — И почему у тебя при этом лицо, будто ты турнир проиграла? Помнится, когда ты уходила из спорта, то была счастлива, говорила, что устала.

Ирина Викторовна потерла крючковатый нос, поджала губы — она всегда так делала, когда была чем-то недовольна.

— Не знаю. Казалось, это единственный разумный выход. Стабильность, диплом... Но сейчас... По-моему, я только что предала все, чему посвятила жизнь, — пробормотала Катя, рассматривая ковер так, словно ответы были скрыты в его гладком ворсе.

— Выход? — Ирина Викторовна фыркнула, и в ее голосе прозвучала насмешка. — Катя, жизнь — это не шахматная задача с одним правильным ходом. Тренер в секции — это не приговор, не конец пути. Это может быть началом чего-то абсолютно нового. Твоего. Но если ты идешь туда с ощущением, что это «выход», а не «вход», если ты идешь с опущенной головой и выключенным сердцем, ничего хорошего не выйдет. Ни для тебя, ни для детей.

— А как... как его включить? — прошептала Катя, и в ее голосе звучала настоящая детская растерянность.

— Начать с малого. Хочешь попробовать? У меня как раз освободилось место тренера в группе для малышей. Начало тренировок — через неделю. Приходи. Посмотришь, твое это или нет. Без всяких обязательств.

Предложение повисло в воздухе. Это не было решением всех проблем, но появился хотя бы лучик